

УДК 343.235.2:343.14
ББК 67.408

С.В. Пархоменко,
доктор юридических наук, доцент
А.А. Радченко

УГРОЗА КАК СПОСОБ ПРЕСТУПНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЛИЧНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ В РОССИЙСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье на основе анализа действующего законодательства, существующей судебной практики и научных источников делается вывод о несовершенстве законодательной конструкции угрозы в соответствующих уголовно-правовых нормах. Вносятся предложения по совершенствованию ст. 302 и 309 УК РФ.

Ключевые слова: преступления против правосудия; принуждение к даче показаний; способ преступления; угроза; шантаж.

S.V. Parkhomenko,
Doctor of Law, Ass. Professor
A.A. Radchenko

THREAT AS A TYPE OF CRIMINAL INFLUENCE ON A PERSON IN THE PROCESS OF AVERMENT IN RUSSIAN COURT PROCESS

Using the analysis of active legislation, existing court and investigation practices and research sources, the paper shows the inadequacy of the legislative construction of threat in the corresponding criminal law norms. It also gives recommendations on improving Art. 302 and 309 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: crimes against justice; forcing to give evidence; criminal ways; threat; blackmail.

Современный уголовный закон посредством главы 31 УК РФ «Преступления против правосудия» целенаправленно охраняет общественные отношения в сфере предварительного расследования и правосудия, ядром, «сердцевинной» которых является доказывание. В целях защиты данного сегмента видового объекта «преступлений против правосудия» уголовный закон содержит комплекс правовых запретов (ст. 302–304, 306–309 УК РФ), центральное место среди которых занимают нормы о недопустимости принуждения к даче показаний, заключения или осуществления перевода (ст. 302 и 309 УК РФ).

С учетом законодательной конструкции обязательным признаком данных составов преступлений является способ общественно опасного деяния, выражающийся в одной из форм преступного воздействия на личность – принуждении. В качестве одного из конкретных способов незаконного получения, искажения или сокрытия доказательственной информации уголовный закон прямо указывает на угрозу.

В словарях русского языка угроза определяется как «стращать, наводить опасность либо опасенье, держать кого под страхом, под опас-

кою» [12, с. 470] или «запугивание, обещание причинить кому-нибудь неприятность, зло» [22, с. 716]. Сообразно филологической основе в доктрине уголовного права предлагается множество разнообразных по форме, но близких по существу и содержанию определений угрозы [2, с. 293; 9, с. 96–97; 17, с. 197; 33, с. 80]. Например, А.И. Бойцов весьма образно отмечает, что угроза заключается в «информационном воздействии на психическую подструктуру другого человека» [3, с. 438]. В свою очередь, А.И. Коробеев более развернуто определяет угрозу как одну из форм выражения психического насилия, представляющую собой объективированное вовне намерение лица причинить вред другому человеку, утратить его [26, с. 237].

На основе семантического толкования и уголовно-правовой специфики строится и понимание угрозы как способа преступного воздействия на личность в процессе доказывания [1, с. 13; 13, с. 161; 25, с. 160]. Например, удачно применительно к ст. 302 УК РФ сформулирована угроза как способ совершения преступления И.Ю. Буневой: «Угроза – это вид психологического принуждения, выражающегося в запугивании участников процесса намерени-

ем осуществить любое неправомерное деяние, опасность возможной реализации которого, по мнению виновного, должна повлиять на свободу волеизъявления указанных лиц и сформировать у последних желание дать показания для предотвращения последствий, вредных их интересам» [5, с. 71].

В теории уголовного права традиционно важнейшим и необходимым свойством угрозы признается ее реальность – наличие оснований опасаться исполнения угрозы [19, с. 36; 20, с. 6; 21, с. 12, 20; 28, с. 19]. Реальность определяется двумя группами факторов: объективные – возможность угрожающего реализовать угрозу, и субъективными – восприятие потерпевшим реальности таких действий. При этом необходимо поддержать Э.Ф. Побегайло в том, что реальность угрозы связывается, прежде всего, с наличием объективных оснований опасаться приведения ее в исполнение, субъективное же ее восприятие потерпевшим играет подчиненную роль. На реальность угрозы указывают ее конкретная форма, характер и содержание, сопутствующая ей конкретная ситуация (место, время, обстановка этого деяния), способ осуществления и интенсивность выражения угрозы, предшествующие взаимоотношения виновного и потерпевшего (например, систематические преследования потерпевшего), характеристика личности виновного (например, его взрывной характер, устойчивая антиобщественная ориентация, бурные проявления злобы, ненависти, жестокости, обиды, систематическое пьянство, прежние судимости за насильственные преступления, экстремальное психическое состояние и проч.) [14, с. 305–306].

Некоторые ученые к обязательным признакам угрозы относят наличность, которая, во-первых, понимается как то, что угроза действительно выражена вовне и существует как явление объективного мира, во-вторых, подразумевает то, что существует опасность немедленного причинения вреда, и конкретность – угроза предъявлена конкретному лицу и содержит указание на конкретные неблагоприятные последствия [3, с. 452–454; 10, с. 7, 11; 26, с. 239; 35, с. 8–9].

Представляется, что выделение данных параметров угрозы дискуссионно. Так, наличность угрозы, с одной стороны, фактически совпадает с объективными элементами реальности угрозы – выраженностью вовне и способностью быть воспринятой потерпевшим. С другой стороны, в научной литературе убедительно доказано, что наличность как свойство угрозы быть немедленно реализованной не

является ее постоянным свойством и общим признаком угрозы как способа совершения преступления (например, угроза является наличной в составе разбоя и не является таковой в составе вымогательства) [8, с. 32; 19, с. 14; 37, с. 58–60]. Кроме того, следует поддержать авторов, признающих уголовно-правовое значение и за «неопределенной или неконкретизированной угрозой» [2, с. 294–295, 316; 28, с. 213; 34, с. 22; 38, с. 31]. Данной позиции придерживаются и судьи [7].

По форме угроза может быть выражена устно, письменно, с помощью жестов, демонстрации оружия или предметов, его заменяющих. Угроза может быть доведена до потерпевшего лично или через третьих лиц, при личной встрече или посредством технических устройств (телефон, факс, телеграф, Интернет и т. д.). Угроза может быть открытой и завуалированной и не исключается даже в случае, если для присутствующих лиц, помимо принуждаемого, факт угрозы останется неизвестным [15, с. 10].

По нашему мнению, главной характерной чертой, отличающей угрозу от других видов незаконного воздействия на личность, является то, что она представляет собой информационное воздействие на психику человека. Поэтому в целом правильно в ряде работ сущность угрозы определяется как противоправное общественно опасное информационное воздействие на потерпевшего [20, с. 6; 34, с. 10; 35, с. 8].

Таким образом, угроза как способ преступного принуждения представляет собой разновидность психического насилия, состоящую в доведении до принуждаемого информации о возможном нарушении и ущемлении его прав и интересов, наступлении для него и его близких неблагоприятных последствий в случае невыполнения требований принуждающего.

Бесспорно, что все указанные концептуальные положения уголовно-правовой характеристики угрозы распространяются и на оценку угрозы как способа незаконного воздействия на личность в процессе доказывания. Однако угроза в данных составах преступления наполняется специфическим содержанием. Так, в ст. 302 УК РФ вид и содержание угрозы, помимо указания на шантаж как вид угрозы, не определены. Вместе с тем в ст. 309 УК РФ характер угрозы строго ограничен шантажом, угрозой убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества этих лиц. Такое неунифицированное и разнохарактерное конструирование угрозы представляется криминологически не обосно-

ванным и неточным с точки зрения юридической техники.

С одной стороны, обобщающая формулировка ст. 302 УК РФ создает «резиновую норму», под репрессивное действие которой подпадает широчайший спектр разнообразных действий, оказывающих на участников судопроизводства – носителей доказательственной информации как противоправное, так и законное воздействие.

При таком расширительном и, по сути, безграничном подходе к содержанию угрозы преступными формально могут быть признаны законные действия по предупреждению допрашиваемого об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, обращение внимания обвиняемого на возможность заключения под стражу, доведение до него информации о положительных моментах содействия правоохранительным органам и негативных последствиях отказа оказывать помощь в раскрытии преступления и т. д. Однако обычно в научной литературе данный недостаток не замечается, а, напротив, подчеркивается положительный аспект неограниченности характера угроз в ст. 302 УК РФ, состоящий в возможности уголовно-правового реагирования на самые разнообразные формы принуждения к даче показаний [25, с. 161; 30, с. 138–139]. В этой связи заслуживает внимания высказывание В. Ткаченко о том, что отсутствие указания на блага, против которых направлена угроза, противоречит ст. 14 УК РФ о понятии преступления, согласно которой все признаки должны быть предусмотрены законом [31, с. 8].

С другой стороны, ограничение перечня угроз в ст. 309 УК РФ «традиционными» угрозами убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества необоснованно сужает объективную сторону деяния и соответственно снижает эффективность и надежность уголовно-правовой охраны личности, вовлеченной в процесс доказывания, так как угрозы совершения иных действий и причинения других неблагоприятных последствий (ограничение свободы, увольнение с работы, понижение в должности, выселение из квартиры, лишение льгот, и т. д.) не охватываются данным составом преступления и могут быть квалифицированы по статьям о «преступлениях против личности», что не отражает в полной мере сущность общественно опасного посягательства и его деструктивную направленность.

На отмеченный проблемный момент и возможный широкий спектр применяемых угроз

указывают и материалы изученной следственной практики.

Например, в ходе предварительного следствия Т. дала показания, что не присутствовала при составлении административных протоколов на И., Б. и Р., расписалась в протоколах по просьбе обвиняемого в злоупотреблении служебными полномочиями, выразившемся в нарушении установленного законом порядка привлечения граждан к административной ответственности (ч. 1 ст. 285 УК РФ), сотрудника ЛОВД П. После того как Т. была допрошена в качестве свидетеля, к ней на работу пришел незнакомый мужчина, возрастом около 50 лет, представившийся отцом обвиняемого П. Мужчина попросил Т. изменить показания на ложные: пояснить, что присутствовала при составлении П. протоколов об административном правонарушении. После того как Т. ответила отказом и указала, что не будет менять данные ей правдивые показания, мужчина стал угрожать Т., что сделает так, чтобы ее уволили с работы [23].

Исходя из изложенного, представляется, что конструкция угрозы как способа преступного воздействия на личность в процессе доказывания, с одной стороны, должна быть довольно обобщенной и абстрактной, а с другой – обеспечивать конкретность уголовно-правовых предписаний, исключаящую возможность произвольного толкования и применения норм уголовного закона.

С учетом того, что угрозы при принудительном получении доказательственной информации по содержанию могут носить самый разнообразный характер, в науке предпринимаются попытки их классифицировать по различным основаниям. В этой связи удачной представляется классификация угроз по содержанию, предложенная А.С. Гореликом:

угрозы применения физического насилия (убить, причинить какой-либо вред здоровью);

угрозы совершить какие-либо другие преступные действия, например изнасиловать (ст. 131 УК), уничтожить или повредить имущество (ст. 167 УК) и т. д.;

угрозы, связанные с тем, что допрашиваемый оказался в сфере деятельности следственных органов: заявления о намерении ухудшить процессуальное или фактическое положение допрашиваемого (взять под стражу, предъявить обвинение в более тяжком преступлении, добиться в суде сурового приговора, поместить в камеру к рецидивистам, лишить свиданий и т. д.);

угрозы иным правам и интересам личности, например трудовым (добиться увольнения с работы), образовательным (исключить из вуза), жилищным (выселить из квартиры), экономическим (ликвидировать коммерческую организацию), личным (привлечь к уголовной ответственности допрашиваемого за другое действительно совершенное или надуманное преступление, направить его в психиатрическую больницу), принять принудительные меры в отношении его родственников (задержать, арестовать и т. д.) [11, с. 370–371].

На возможность использования в процессе доказывания в целях незаконного воздействия на личность не только «традиционных» угроз убийством, применения физического насилия, уничтожения или повреждения имущества указывают и материалы следственной практики.

Так, оперуполномоченный ОУР ОВД Кировского района г. Иркутска Г., выполняя поручение о производстве отдельных следственных действий, в целях получения заведомо ложных признательных показаний в совершении квартирной кражи, помимо применения физического насилия и угрозы его применения высказал в отношении потерпевшего Х. угрозу привлечь последнего к уголовной ответственности за незаконное хранение наркотических веществ. Действия Х. по данному эпизоду были квалифицированы органами предварительного следствия по совокупности ч. 1 и ч. 2 ст. 302 УК РФ [32].

Кроме того, А.С. Горелик высказывает весьма интересную мысль о том, что угрозы могут касаться не только законных, но и незаконных интересов лиц (например, угроза изъять имущество, добытое преступным путем) [11, с. 370]. Вместе с тем в науке уголовного права применительно к составам преступления, конструктивным признаком которых выступает угроза, широко распространено мнение о возможности запугивания причинением вреда только правам и законным интересам [10, с. 10; 20, с. 8; 34, с. 11; 38, с. 24]. Данную позицию порой занимают и судебные органы.

Так, Президиум Верховного Суда РФ не признал наличия состава вымогательства в содеянном Соловьевым и Окуневым при следующих обстоятельствах. Окунев рассказал Соловьеву о совершенном им совместно с Богдановым и Рыбаковым разбойном нападении, и они решили шантажировать последних. С этой целью Соловьев позвонил Богданову и Рыбакову и, требуя 6 тыс. долларов США, стал угрожать тем, что сообщит о совершенном ими преступ-

лении. Опасаясь разоблачения, Богданов и Рыбаков отдали требуемую сумму Соловьеву. Президиум Верховного Суда РФ, обосновывая свое решение о прекращении уголовного дела в части, касающейся осуждения Соловьева и Окунева за вымогательство, указал, что угрозу разглашения сведений о действительно совершенном преступлении нельзя признать обстоятельством, нарушающим права Богданова и Рыбакова либо причиняющим вред их законным интересам [6, с. 13–14].

Вместе с тем данное решение высшего судебного органа по конкретному уголовному делу входит в противоречие с действующим постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 4 мая 1990 г. № 3 «О судебной практике по делам о вымогательстве», в п. 3 которого указано, что как вымогательство под угрозой оглашения позорящих сведений следует квалифицировать требование передачи имущества, сопровождающееся угрозой разглашения сведений о совершенном потерпевшим или его близкими правонарушении, а равно иных сведений, оглашение которых может нанести ущерб чести и достоинству потерпевшего или его близких [27, с. 206].

Следовательно, вопрос о характере и направленности угрозы является неоднозначным и решается противоречиво в теории и правоприменительной практике. По нашему мнению, его правильное разрешение в определенной степени связано с уголовно-правовым пониманием шантажа как специально выделенного в законе способа совершения преступных посягательств.

В переводе с французского «шантаж» (франц. *chantage*) означает «запугивание, угрозу разглашения позорящих, компрометирующих сведений (действительных или ложных) с какой-либо определенной целью» [29, с. 561] и в русском языке приобрел трактовку «неблаговидных действий, угрозы разоблачения; угрозы вообще с целью создать выгодную для себя обстановку» [22, с. 773].

В уголовно-правовой науке традиционно шантаж рассматривается с позиций разновидности угрозы. Вместе с тем легальная дефиниция шантажа в действующем УК РФ отсутствует, а в теории уголовного права сложились узкое и широкое понимание данного способа совершения преступления.

Согласно узкой трактовке шантаж представляет собой угрозу распространения только позорящих, компрометирующих лицо сведений [4, с. 237, 356; 18, с. 193]. Например, В.П. Малков под шантажом понимает запугива-

ние допрашиваемого путем угрозы оглашения каких-либо компрометирующих его поступков или документов [14, с. 803].

При широкой трактовке шантаж охватывает не только угрозу афиширования компрометирующих данных, но и угрозу распространения любых сведений, которые скрывает от окружающих лицо или которые способны при их доведении до третьих лиц причинить ущерб правам и интересам лица. При этом не имеет значения соответствует данная информация действительности или нет [1, с. 13; 16, с. 173; 25, с. 162; 36, с. 34]. В этой связи И.Н. Кабашный не без оснований отмечает, что угроза оглашения сведений непозорящего характера, но конфиденциальных, не предназначенных для третьих лиц, либо могущих негативно повлиять на ту или иную (профессиональную, коммерческую, политическую и т. д.) репутацию или сферу деятельности человека, способна оказать на него не менее серьезное воздействие [13, с. 162–163]. При этом, например, А.С. Горелик, апеллирует к наличию и необходимости защиты различных видов тайн: тайны личной жизни, тайны усыновления, коммерческой, банковской и т. д., которые могут быть нарушены путем распространения сведений конфиденциального характера [11, с. 332].

Как с позиции филологии, так и формально юридически более предпочтительной и соответствующей современным криминальным реалиям выглядит широкая трактовка шантажа.

Так, А.Г. Безверхов совершенно справедливо выступает против ограничительного толкования шантажа в целом и позорящих сведений в частности, указывая, что такой подход трудно признать криминологически обоснованным и научно состоятельным. Исключение уголовной ответственности за требование под угрозой предания огласке факта нарушения другим лицом действующего законодательства или моральных принципов создает «благоприятную почву» для роста такого рода принуждения, которое, по сути, является одной из скрытых форм преступного деяния [2, с. 312].

В свою очередь, Р.А. Левертова предпринимает попытку разделить шантаж на несколько видов: угроза распространения сведений, которые не позорят ни потерпевшего, ни его близких, но потерпевший не желает их оглашения; угроза распространения вымышленных по-

зорящих сведений; угроза распространения позорящих, но соответствующих действительности сведений; угроза разоблачения, т. е. сообщения о совершенном преступлении; угроза, сопровождающаяся обманом [19, с. 76–77].

Таким образом, шантаж как разновидность угрозы может быть направлен как на ущемление законных интересов лица, так и нарушение интересов индивида, не соответствующих требованиям правовой системы и нормам морали и нравственности. Поэтому нелогичной и научно не выверенной представляется вышеприведенная схема, при которой угроза как общая категория всегда направлена на ущемление прав и законных интересов лиц, а шантаж как частный случай угрозы направлен в определенной части на нарушение незаконных интересов индивида.

В силу сложной социальной структуры современного общества представляется, что в качестве довольно результативного средства преступного принуждения к предоставлению, искажению или сокрытию доказательственной информации могут выступать угрозы, содержащие в себе указание на возможное ущемление не только законных, но и незаконных интересов лиц: обещание сообщить о противоправной деятельности лица; высказывание намерения обоснованно привлечь к уголовной ответственности близких лиц допрашиваемого; изъять имущество, добытое преступным путем, и т. д.

Вместе с тем с учетом социально-правовой природы шантажа как разновидности угрозы, исходя из их соотношения как части и целого, нецелесообразности дублирования правовых терминов следует поддержать ученых, выступающих за исключение шантажа как самостоятельного и отдельного способа преступного воздействия на личность в процессе доказывания [5, с. 78–79; 24, с. 106; 30, с. 45].

Таким образом, в целях унификации действующего уголовного законодательства, единообразия правоприменительной практики и оптимизации уголовно-правовой охраны личности, вовлеченной в процесс доказывания, представляется возможным сформулировать диспозиции ст. 302 и 309 УК РФ в отношении использования такого способа совершения преступления, как угроза, с помощью обобщенной формулировки «угроза нарушения прав и интересов этих лиц или их близких».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеева Е.А. Принуждение к даче показаний: причины и предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
2. Безверхов А.Г. Имущественные преступления. – Самара, 2002.
3. Бойцов А.И. Преступления против собственности. – СПб., 2002.
4. Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. – М., 2008.
5. Бунева И.Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний : дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2000.
6. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2001. – № 10.
7. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 2.
8. Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. – М., 1969.
9. Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. – М., 1974.
10. Гертель Е.В. Уголовная ответственность за угрозу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2006.
11. Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. – СПб., 2005.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. – М., 1991.
13. Кабаиный И.Н. Преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами органов, осуществляющих уголовное преследование : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005.
14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. – М., 2002.
15. Кострова Г.К. Уголовно-правовое значение угрозы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1970.
16. Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия : проблемы теории, законотворчества и правоприменения. – Владивосток, 2007.
17. Курс уголовного права. Т. 3. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М., 2002.
18. Курс уголовного права. Т. 5. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М., 2002.
19. Левертова Р.А. Ответственность за психическое насилие по советскому уголовному праву. – Омск, 1978.
20. Лукьянова И.В. Угроза как преступление в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
21. Овчинников М.А. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический анализы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2006.
22. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1986.
23. Отказной материал по факту принуждения к даче показаний свидетеля Т. по уголовному делу № 770730 // Архив Северобайкальского межрайонного следственного отдела СУ СКП РФ по Республике Бурятия. 2007.
24. Попов Н.А. Принуждение к даче показаний: квалификация и предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2001.
25. Преступления против правосудия / под ред. А.В. Галаховой. – М., 2005.
26. Российское уголовное право : курс лекций. Т. 3: Преступления против личности / под ред. А. И. Коробеева. – Владивосток, 2000.
27. Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда РФ по уголовным делам. – М., 2004.
28. Сердюк Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки следователя. – Волгоград, 1981.
29. Словарь иностранных слов. – М., 1988.
30. Тепляшин П.В. Преступления против правосудия. – Красноярск, 2004.
31. Ткаченко В. Угроза как уголовно-правовая категория // Следователь. – 2000. – № 6.
32. Уголовное дело № 25100 // Архив следственного отдела по Кировскому району г. Иркутска СУ СКП РФ по Иркутской области. 2008.
33. Уголовное право России. Часть Особенная : учебник / отв. ред. Л.Л. Крутчиков. – М., 1999.
34. Фомичева М.А. Угроза как способ совершения преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
35. Хабарова М.А. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2006.
36. Чучаев А.И. Преступления против правосудия : науч.-практ. комментарий. – Ульяновск, 1997.
37. Шаронов Р. Вопросы квалификации преступных угроз // Уголовное право. – 2006. – № 1.
38. Шаронов Р.Д. Насилие в уголовном праве (понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2006.